

Собственно величальные песни, исполнением которых отмечен в основном послевенечный период свадьбы, отличаются от «песен» наличием усиленной величальной функции. Идея величания пронизывает весь фольклор свадьбы, акцентируя внимание на главной цели ритуала - образовании и признании супружеской пары.

Среди собственно величальных песен выделяются величания невесте (Пошли наши гусли», «Из-за лесу чиста поля»), сватье («Князя сватья турица», «Вы садитесь-ко, бояра, во скамью», «Ехала сватья с нова города»), пивовару («Спасибо тебе, пивовар»), стряпухам («Спасибо вам, стряпочки»), тысяцкому («Тысяцкой, ты сюда наезжал»), женатым чинам («Сказали, Григорий богатой»), жениху («Мы тебя, Александр, величаем», «Из кути вдоль по лавице все бояра сидят»), жениху и невесте («Все хороши за столом гости сидят», «Конь бежит по бережку», «У Александра Ивановича голова-то учесанная», «Во Китае было во городе», «На плоту было, на плотике», «Как во горнице на столе, на белодубовой доске», «Чашечки литы да полны медом налиты», «У высокого терема золоты были выходы», «Заскочил козел в огородец», «Уж как на горе, на той высокой горе», «Как у чарочки да у серебряной»).

Величальные песни описательного характера, адресованные одному лицу, в большей степени представлены в средневычегодской традиции, а парные величания - в нижневычегодской по причине различной актуализации обрядовых актов свадьбы.

Таким образом, при определении и классификации жанров свадебного музыкально-поэтического фольклора средней и нижней Вычегды прежде всего следует учитывать их «народные» определения и обрядовые функции.

Н.А. Гаврилова

Череповецкий государственный университет

МЕЖТЕКСТОВЫЕ СКРЕПЫ В РОМАНАХ В. БЕЛОВА «КАНУНЫ» И «ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

Художественная целостность исторической хроники В. Белова является на уровне межтекстовых скреп романов. Термин «скрепы» введен В. А. Сапоговым [3].

Межтекстовой скрепой романов В. Белова является особенность пространственного изображения. В финале романа «Кануны» происходит постепенное расширение предметного пространства. Динамизм пространства характерен для всех исторических романов В. Белова. Особенность финала «Канунов» состоит в том, что после пространственного расширения не следует сужения пространства. Такое нарушение пространственного описания обусловлено рядом причин. Оно:

- отвечает авторскому замыслу романа, создает ощущение тревоги, «канун» какой-то неизвестности;
- образует «открытость» финала, возможность последующего продолжения;
- является «переходом» от одного романа к другому.

Роман «Год великого перелома» начинается с описания событий во всей стране, а затем пространство сужается до изображения отдельных персонажей.

Поэтому характерная для В. Белова модель пространственного описания восстанавливается в структуре всего цикла.

Другой межтекстовой связью романов В. Белова «Кануны» и «Год великого перелома» становится изображение природной стихии, которая сопоставляется с политической атмосферой. В романе «Кануны» это появление холодного, подвергнувшегося к вечеру ветерка, который «подхватил бумажные ключья [заявление Ивана Никитича Рогова о вступлении в колхоз. – Н.Г.] , по-кошачьи поиграл с ними. Обрывки заперевертывались и полетели вдоль по Шибанихе» [2, с. 463]. В финале «Канунов» «ветерок» олицетворяет только природную стихию, которая «закрутила» не крестьянские судьбы, а бумажные ключья разорванного заявления. Но преддверие, начало тревожных событий уже возникает. В «Канунах» слово «ветерок» употребляется с уменьшительно-ласкательным префиксом *-ок-*, указывающим на небольшой, несильный ветер.

В романе «Год великого перелома» семантика слова «ветер» уже другая – это «знобящий вихрь», причем «вихрь» не в значении природной стихии, «сильного ветра», а в контексте всего романа как разрушительный, необратимый «вихрь коллективизации», уносящий миллионы жизней. Авторский намек на усиление тревоги в «Канунах», в романе «Год великого перелома» перерастает в прямое указание на «страшную трагедию».

Величие стихии природы появляется в финале романа В. Белова «Год великого перелома». Пространственное видение дано как «взгляд издалека» - Александр Леонтьевич Шустов после раскулачивания,

высылки, гибели почти всей семьи думает о родной Ольховице: «Оттуда, через древнее новгородское село Усть-Цылма несло холодным снежным дождем. Сколько суток пройдет, пока это северное дыхание докатится до родимой и, может быть, навсегда потерянной Ольховицы?» [1, с. 51].

Таким образом, исторические романы В. Белова «Кануны» и «Год великого перелома» в структуре цикла объединяются «межтекстовыми скрепами» - особенностью пространственного изображения на стыке произведений и описанием природной стихии. Это позволяет говорить о логическом продолжении романа «Кануны» романом «Год великого перелома».

Литература

1. Белов В. Год великого перелома: Хроника зимней поры. Часть третья // Наш современник. - 1994. - № 2. - С. 51.
2. Белов В. Кануны: Хроника конца 20-х годов. - М., 1989. - С. 463.
3. Сапогов В.А. Поэтика лирического цикла: Автореф. дис... канд. филол. наук. - М., 1967.

М.В. Зеленцова

Череповецкий государственный университет

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ Д.И. ПИСАРЕВА (аспекты связи)

С начала своего сотрудничества в журнале «Русское слово» в 1861 году молодой критик Д.И. Писарев сразу же привлек к себе внимание читающей публики полемической резкостью тона, максимализмом оценок, последовательной оппозиционностью по отношению к любым проявлениям официальной идеологии. В.А. Мысляков, исследователь творчества Писарева, указывает, что «причины подобных заострений у Писарева объяснимы: это горячее желание демократа-шестидесятника, осознавшего необходимость жизненных преобразований, очистить головы людей от "призраков" схоластики, от теоретических спекуляций, от официальных идеологических прописей» [3, с. 4]. Смысл своей литературной деятельности Писарев видел в критике господствующих нравов, взглядов, учреждений и в особен-